

ЛЁНЧИК

Публикация в рамках совместного проекта журнала
с Ассоциацией союзов писателей и издателей России (АСПИР).

НАТАЛЬЯ КОЛМОГОРОВА
Родилась в 1963 году
в Нуйбышевской области
(станция Нявлино). В шесть
лет написала первое стихо-
творение, посвященное маме.
После окончания Нуйбы-
шевского педагогического
училища вернулась в родное
село. Запоем читала Блона,
Есенина, Цветаеву, Ахма-

тову... Вновь за перо взялась
уже в зрелом возрасте, когда
исполнилось пятьдесят.
В репертуаре автора есть
и детская, и взрослая лирика,
а танже произведения
в жанре «Проза».
Член Союза профессиональных
литераторов (г. Самара).
На стихи Натальи Колмогоровой
написано несколько песен.

1

Лёнчик держится за широкую бабкину юбку
и старается не отставать.

Сколько помнит, бабка всегда надевает одно
и то же: длинная, почти до щиколоток, криноли-
новая юбка; темный платок и белая, в цветочек,
кофта.

Даже в жару бабка носит шерстяные носки
с калошами.

– Артрит, окаянный, – вздыхает бабка Домна.

Кто такой «артрит», бабка не уточняет.

Лёнчик крепко держится за подол, чтобы не
отстать.

Бабка Домна, словно огромная баржа, плывет по
привокзальной площади, взяв на буксир тощего
полусонного мальчишку.

Если бы не авоськи в ее руках, Лёнька вложил
бы в пухлую бабкину руку свою прохладную ла-
донь.

Он явственно чувствует аромат, доносящийся из
бабкиной авоськи, – тот, словно дразня мальчиш-
ку, специально сочится сквозь крупные ячейки.

И Лёнька незаметно сглатывает слюну.

– Пирожки... горячие пирожки... с капустой, с кар-
тошкой, с ливером, – низким глубоким голосом
зазывает Домна покупателей.

– Почему пирожки?

– С картошкой – три копейки, с яйцом и луком –
по пять, с ливером – четыре.

– Один с ливером, один – с картошкой...

Лёнчик переминается с ноги на ногу и терпе-
ливо ждет своей очереди.

– Накось, милай, позавтракай!

Обернув горячий пирожок газетой, баба Домна
протягивает внуку пирожок.

Лёнчик надкусывает хрустящую корочку и жму-
рится от удовольствия...

– Внимание, внимание! Граждане провожающие!

Поезд номер... отправляется с третьего пути.

Провожающих просим покинуть вагоны...

Пока бабка переговаривается с соседкой-то-
варкой, Лёнчик ковыряет в носу.

А после, найдя подходящий камешек, чертит
на асфальте печатные буквы. Лёнчику почти пять
лет, и он знает буквы наизусть.

Азбуке Лёнчика научил отец.

Не так давно батька устроился на работу – пу-
тевым обходчиком. Ему выдали специальную оде-
жду, инструмент и даже сигнальный рожок!

Сегодня отец на смене, и оставить Лёнчика
дома не с кем.

– Мамка с небушка на тебя глядит и радуется. –
Бабка Домна гладит внука по голове.

Волосы у Лёнчика мягкие, светлые – как у мамки.

Мамку Лёнчик почти не помнит, а бабка говорит, что «Бог ее к рукам прибрал».

Лёнчик задирает голову вверх и среди легких облаков пытается разглядеть если не мамку, то хотя бы ангела...

Несмотря на раннее утро, нещадное крымское солнце жарит вовсю. Лёнька оглядывается по сторонам – тут все знакомо до мелочей! Беленый известью железнодорожный вокзал, кусты жасмина и акации, пестрая толпа убывающих и прибывающих.

– На-ко копеечку, сходи за квасом. – Бабка кладет три копейки внуку в ладонь.

Лёнчик ковыляет к бочке с надписью «Квас».

Тетенька в белом халате наливает напиток до самых краев, с пенкой.

– Пей, Лёнчик!

Лёньке здесь нравится: можно смотреть на проходящие поезда, можно кормить прожорливых голубей, а можно подбежать к какой-нибудь незнакомой, вновь прибывшей девочке, и показать язык. А потом убежать и спрятаться – дескать, поймай!

Иногда попадались девочки как девочки – или язык в ответ покажут, или побегут догонять.

А некоторые – ужас! – спрячутся за мамку и тарчат глупые глазищи. Недотепы!

Рядом с Лёнькой, заслонив солнце, вдруг вырастает долговязая фигура милиционера Потапова.

Лёнчик знает наперед: милиционер Потапов покинул свой душный кабинет ненадолго, чтобы, обойдя по периметру привокзальную площадь, создать видимость работы. А потом вновь спрятаться в темное душное помещение.

Так или иначе, преступников в округе – раздвигая и обчелся. Это пьяница и попрошайка Чека, а еще тетка непонятной, но веселой наружности по имени Циля. Циля всегда под хмельком, к тому же остра на язык. Да, «трудная» у Потапова работа!

Обнаружив где-нибудь в кустах пьяного спящего Чеку и сведя густые брови на переносице, Потапов цедит сквозь зубы:

– А ну, пшел вон, гнида! Порядок мне тут не портить.

Чека в ответ оскалит крупные желтые зубы:

– Что, гражданин милиционер, выслуживаешься?

– Пшел вон, я сказал!

Чека поскребет грязными пальцами небритый подбородок:

– Ладно, Потапыч, ухожу. Аривидерчи, так сказать. Дядька Чека страшен, как черт: лицо изуродовано шрамами, а одна рука – культяпая.

– Баба, а почему у Чеки руки наполовину нету?

– На войне потерял. Граната, говорят, в руке взорвалась.

– Ба, а он за наших воевал или за немцев?

– А как же шь! Конечно, за наших.

Лёнчик пытается представить Чеку в форме советского солдата, но у него ничего не получается.

Однажды Лёнчик услышал, как баба Домна говорила соседке, торгующей семечками:

– Хороший раньше Чека мужик был, правильный. А война вон как хребет переломила.

– Значит, хребет слабый был, – отвечала товарка.

– Ить, легко говорить, когда сам не испытал! На тебя бы посмотреть, когда всех близких схоронишь. Не дай-то Бог!

– Так у Степки Гришковца тоже всех поубивали – и ничего. Степка какой был, такой вроде и остался.

– Не сравнивай, Груня. Одни от горя будто костенеют, в кусок мрамора превращаются, а другие – всю жизнь плачут, а слезы водкой запивают.

– И правда твоя, Домна – разные мы все, чело-веки-то...

Бабка поворачивается к Лёньке и говорит, что до прибытия следующего поезда – почти час, поэтому внучек может идти погулять. Как будто Лёнька не знает! Он запомнил расписание поездов каким-то своим, внутренним чувством.

Лёнчик отправляется к киоску «Вино-воды» – обычно оттуда начинается свой день сухая и тонкая, как жердь, неунывающая Циля. Чем она нравится Лёнчику, объяснить он и сам не может.

Циля работает посудомойкой в привокзальном кафе. Ее давно бы выгнали с работы за постоянные попойки, но держат за веселый, легкий нрав и ответственность в работе.

Дымя беломориной, Циля не брезгует заглянуть в мусорный бак и выудить оттуда пустые бутылки, чтобы при случае сдать в ларек «Прием стеклотары»...

Лёнчик пересекает привокзальную площадь, заглядывает в кафе, минует небольшой сквер – Циля нигде не видно.

Циля добрая!

После покупки вина и папирос, если остаются деньги, она покупает Лёнчику петушка на палочке.

Лёнчик сначала смотрит на солнце сквозь леденец и любуется игрой света и только потом наслаждается вкусом.

Иногда Циля грустно смотрит на Лёньку и вздыхает:

– И у меня сыночек был, а теперь вот нету.

И Лёнька видит, как по лицу Циля бегут, не останавливаясь, пьяные слёзы...

2

Однажды, завидев Цилю, бабка Домна крикнула вслед:

– Рядом с моим сыном чтоб не шорохалась!

Циля в ответ засмеялась, кокетливо откинула со лба вьющийся локон:

– Задаром не нужен!

А как-то раз Лёнчик не спал и слышал, как бабка выговаривает отцу:

– Мыкола, тебе баб, что ли, мало? Люди талдычут, с Цилей тебя видали вечер.

– Нехай брешут!

Бабка, видать, не на шутку осерчала и как-ах жхнет кулаком по столу:

– Гляди, ирод! Не позорь мать, охламон стоеросовый!

– А вы не страшайте, мамо! Вырос я давно, годов двадцать тому назад.

Бабка горько качает головой, вздыхает, но усугублять ситуацию не смеет.

Лёнчик обошел окрестности вдоль и поперек – Циля нигде не было видно. Он уже собрался было уходить, как вдруг среди густых зарослей акации увидел рыжий Цилин башмак. Башмак давным-давно просил каши, но менять старую обувь на новую Циля почему-то не спешила. Лёнчик раздвинул кусты, подошел поближе и замер от увиденной картины: на выжженной солнцем траве, раскинув руки, точно раненая птица, лежала Циля. Черный локон, насквозь пропитавшись бурой кровью, намертво прилип к правому виску. Проглотив рвущийся из горла крик, Лёнчик припустил в сторону вокзала...

Бабка Домна в это время, завернув очередной пирожок в газету, протягивала его покупателю:

– Кушайте на здоровье!

Торговля шла бойко, и Лёнчик не захотел пугаться у бабушки под ногами.

Он сделал было шаг в сторону здания вокзала, где над дверью красовалась табличка «Милиция», но потом передумал и, развернувшись на сто семьдесят градусов, побежал искать Чеку. Лёнька

нашел его сидящим по-турецки в тени раскидистого ореха. Перед попрошайкой на земле лежал выдавший виды картуз. Картуз пока еще был пустым, но это ненадолго: какой-нибудь сердобольный прохожий обязательно опустит туда пару монет.

Голова Чеки безвольно свисала на грудь – видимо, он спал.

– Дяденька! – позвал Лёнька. – Эй!

Чека и ухом не повел.

Лёнька подошел поближе и тронул спящего за плечо.

– Дяденька Чека, вставайте!

– А-а, Лёнчик! Чего тебе?

– Там, в кустах, Циля мертвая лежит.

– Ты чего мелешь, дурачок?

– Ей-богу! – Лёнька чуть не заплакал от того, что ему не верят.

– А ну, веди до Циля...

Над Цилей уже кружились жирные привокзальные мухи.

Чека наклонился над женщиной, приложил ухо к ее худой груди:

– Слава богу, дышит... Беги скорее до бабки!

Лёнчик будто только этого и ждал – сорвался с места, словно скорый поезд.

– Баба, баба, – зашептал он в ухо бабе Домне.

– Пирожки, горячие пирожки... Чего тебе, Лёнька?

– Ба, там Цилю убили.

– Ой... Окстись! Как убили?

Бабка выронила из рук пирожок и уставилась на Лёнчика.

– Фи-и! – возмутилась солидная дама, которой предназначался пирожок.

Бабка подняла оброненный товар, машинально вложила даме в руку:

– Я быстро, одна нога тут, другая – там!

Домна схватила внука за руку:

– А ну, геть до Циля!..

Лёнчик только однажды в жизни почувствовал присутствие смерти – это было тогда, когда хоронили мамку.

Сколько он ни пытался, но вспомнить похороны не мог. Только ощущение чего-то непостижимо, неуловимо, а потому и страшного навсегда въелось в детскую душу. После похорон бабка Домна чаще, чем прежде, сажала Лёнчика к себе на колени и целовала, целовала, целовала... Лёнька соскальзывал с бабкиных колен и падал в подол широкой юбки. Баба Домна двигала ногами туда-сюда, и казалось, будто Лёнька качается в люльке...

– Божечки мои! – причитала бабка над Цилей. – Кто ж тебя так, девонька?

– Да не причитай ты так – живая она, – успокоил бабку Чека отрезвевшим голосом.

– Так чего ты стоишь остолопом? Беги за помочью...

И Чека, словно послушный мальчишка, побежал звать на помощь...

– Так-так, – важно произнес Потапов, вытирая кипенно-белым платком бегущий по лицу пот.

– Что видели, граждане-товарищи, что знаете? Так-так, будем составлять протокол...

Чека, ссутулившись, сидел напротив лейтенанта и разглядывал свою грязную, покрытую рыжими волосами руку.

Бабка Домна, сложив могучие руки на груди, отрешенно глядела в открытое окно.

Лёнчик сидел на самом краешке табурета, и со стороны казалось, что еще чуть-чуть – и он вылетит в окно, точно испуганный воробышек.

– Шо молчим, граждане-тунеядцы? – обратился Потапов к Чеке.

Чека оскалился желтыми зубами:

– Я все сказал, гражданин начальник, и добавить мне больше нечего.

– Сознавайся, гнида – твоих рук дело? – прищурился Потапов. – Чего не поделили с Цилей? Вина не хватило? А может, не дала?

Потапов грязно рассмеялся.

– Не шейте дело, гражданин Потапов, – сверкнул глазами Чека. – Я ведь гордый, могу и обидеться. А кулак у меня тяжелый... Мы с Цилей – друзья закадычные, сам знаешь, на кой мне ее обижать?

– Ты мне тут не дуркуй!

Потапов зыркнул глазами на Лёнчика:

– Детям на допросе находиться не положено. А ну, брысь за дверь!

И вновь промокнул лоб белым платком...

Лёнчик вопросительно взглянул на бабушку, не зная, на что решиться.

Бабка Домна покраснела всем лицом и крикнула зычным басом на весь кабинет:

– Цыц, сучья твоя душонка!

От ее крика жалобно звякнули граненые стаканы, стоявшие на столе.

Домна легко оторвала от табурета свои сто пятьдесят килограмм и, скрутив дулю, подлетела к Потапову:

– А вот это ты видал, аспид поганый?

Потапов от неожиданности отпрянул, но быстро совладал с собою:

– Вы что себе позволяете, Домна Галактионовна?!

Лёнчик впервые в жизни видел бабушку, охваченную таким порывом ярости. От страха он втянул голову в плечи и постарался стать совсем-совсем неприметным.

– Шо, гнида? Раскрываемости захотел? Премию от начальства захотел? Получай раскрываемость!

Домна схватила лежащие на столе папки с бумагами и швырнула в красное от злости лицо милиционера...

– Уважаемые пассажиры! Поезд... прибывает на первый путь. Нумерация вагонов – с головы поезда... Будьте осторожны!

З

Лёнчик, насупившись, лежит на кровати иковыряет ногтем известь на стене. Известь осыпается белой мукой, обнажая старые слои побелки.

Лёнчик прекрасно знает, что ему сильно попадет от бабушки, но ничего с собой поделывать не может.

Рядом, за цветастой занавеской, буквально в двух шагах, третий день лежит Циля. Голова ее перебинтована, и смуглая кожа резко контрастирует с белоснежными бинтами.

Циля сутки напролет спит, а если, случается, не спит, то смотрит на окружающих удивленными глазами и при этом глупо улыбается.

Накануне появления Циля в доме Лёнчик слышал, как отец и бабушка сильно повздорили.

– Конечно, ребенку нужна мать! Только не такая, как Циля!

– Шо вы про нее знаете, мама?

– Не знаю и знать не хочу!

– Циля – еврейка, так шо? Она с Киева, во время эвакуации мужа потеряла и сына. Голодала, тиф перенесла... Выжила!

– Помогли человеку, чем могли, – и будя! Нехай теперь сама, как може... Ищи себе другую бабу!

– Эх, мама, – горько вздыхает отец, – думал я, любите вы меня, уважаете...

Домна долго-долго молчит, а после, словно взвешивая каждое слово, спрашивает:

– И шо... шибко Циля нравилца?

– Шибко! – горячо говорит отец.

Да, батька у Лёнки – весь в мать, такой же упрямый, с характером!

Хоть и ростом невысок, зато широкоплеч, а руки у него – золотые.

Лёнчик слышит, как бабка всхлипывает, потом говорит отцу:

– Гляди мне! Лёньку, кровиночку мою, в обиду не дам!

И у Лёнки по щеке сбегает скупая мужская слеза...

Лёнчик лежит с закрытыми глазами и притворяется спящим. Он слышит, как сердито шкварчит масло на сковородке, как закипает на плите чайник, как о стекло бьется муха...

Бабушка Домна, не скрывая плохого настроения, гремит на кухне посудой. Лёнка знает наверняка причину плохого бабушкиного настроения, и причину эту зовут «Циля».

Циля за эти дни похудела так, что напоминает узницу концентрационного лагеря. Кажется, дунь на нее крымский ветер – и улетит Циля на небушко, вслед за Лёнкиной мамкой... И все-таки, несмотря ни на что, она идет на поправку!

Лёнчик, отодвинув занавеску, осторожно выглядывает в окно, наблюдая, как Циля идет в сад. Циля садится на скамью подле винограда и закуривает папиросу. Тонкие длинные пальцы ее дрожат, а кашель не дает вдохнуть полной грудью. Циля комкает в руках папиросу и бросает в рыжую сухую траву.

Кажется, Лёнка понимает, почему Циля не хочет оставаться в доме: рядом с бабушкой Домной Циля некомфортно.

С Лёнчиком Циля тоже говорит мало и лишь по острой нужде:

– Принеси водички... кушать хочца...

Где-то совсем рядом бродит осень, и Лёнчик чувствует ее необратимое приближение.

Бабушка варит компоты из яблок и айвы, солит помидоры на зиму.

Однажды Лёнчик заметил, как Циля что-то прячет под подушкой. Выбрав момент, когда женщины не было в комнате, он нашел то, что искал, – пожелтевшую от времени и потрескавшуюся на углах старую фотографию. Лёнка присмотрелся: с фотоснимка на него пристально смотрел незнакомый мужчина. Рядом, притулившись, сидел мальчишка. Малыша за руку держала молодая женщина с копной черных вьющихся волос. Лёнчик с трудом узнал в женщине Цилю – так сильно она изменилась. Была Циля и моложе прежней, и красивее...

– А ну, поклади, где взял!

Лёнчик вздрогнул и обернулся – прислонившись к косяку, в дверях стояла Циля...

Потом Лёнчик так и не смог объяснить самому себе, почему поступил так, а не иначе. Маль-

чишка бросил фотографию Циле в лицо и, прокричав «дура», выскочил вон. Он и сам не мог понять, что с ним такое случилось. В эту минуту он ненавидел и отца, и Цилю, и себя, и даже... бабушку.

Лёнка плакал так безутешно, как не плакал никогда в жизни, даже на похоронах мамки. Он чувствовал себя чужим и никому не нужным ни в этом доме, ни в этом саду... Охватив колени руками и вздрагивая худым телом, Лёнчик с головой погрузился в собственное горе.

Будто дуновение легкого ветерка коснулось Лёнкиных волос – он замер, прислушиваясь... Тонкие нежные пальцы, перебирая мягкие пряди волос, приятно щекотали Лёнкину макушку. А теперь эти пальцы легко спустились вниз, по тонкой Лёнкиной шее, пробежали по спине между лопатками, точно капли летнего дождя – по стеклу. Лёнка боялся пошевелиться и не смел поднять головы. Близко-близко от своего лица он ощутил знакомый горьковатый запах табака. Лёнка задохнулся...

Вдруг неведомая сила бросила его в объятия той, что была рядом. Он обвил руками Цилю за шею и всем трясущимся тельцем прижался к ее груди. Циля, обняв Лёнку, закачалась так, будто хотела убаюкать. Женщина тихо приговаривала:

– Тшш, все хорошо, мальчик мой, все хорошо...

И тогда Лёнчик наконец осмелился поднять на Цилю глаза: женщина плакала, но взгляд ее был светел...

– Не забирай у меня Лёнку, слышишь? Сына ты уже забрала.

Лёнка слышал, как бабка шмыгает носом и громко сморкается.

– Ну шо вы такое говорите, Домна Галактионовна!

Циля старалась подобрать нужные слова, но не находила. Хлопнув дверью, она, раздосадованная, уходила в сад...

4

По улице, переваливаясь, словно утка, шла бабка Домна, за ней – Лёнчик. Замыкала процессию Циля. До прибытия поезда оставалось пятнадцать-двадцать минут, поэтому нужно было торопиться.

– Шибче поспешайте! – торопила Домна.

– Циля, можно с вами немного побалакать?

К Циле подступил незнакомый прыщавый мальчик.

Лёнька заметил, как побледнела Циля, как проступила испарина на ее высоком, обрамленном черными волосами лбу.

Бабушка Домна обернулась и недовольно про бурчала:

– Чего от Циля надо, соколик?

Мужичок заулыбался, ощупав цепким взглядом и ту и другую. Во рту незнакомца блеснула золотая фикса.

– Не бойтесь, мамаша, пару слов – и все дела! Вашу цыпу отпустим на все четыре стороны.

Домна, развернув тело-баржу, сделала шаг в сторону прыщавого:

– Таки шо вы хотели перетереть с чужой жинкой?.. Циля, ты знаешь этого мелкого паскудника?

В лице Циля – ни кровинки.

– Всего-то на два слова, тет-а-тет, – не унимался мужичок.

– Я твои «теты-атеты» знаешь где видала?.. Во где!

Бабка Домна сложила фигу, «снялась с якоря» и пошла на мужика с таким видом, словно дрессировщица – в клетку с тигром.

– Да пошла ты, карга старая. – Мужичок смачно сплюнул под ноги...

Лёнчик вначале ничего не понял – слишком быстро все случилось. Мальчишка услышал звонкий короткий шелчок. Такой Лёнька слышит почти каждый день, когда сосед, пощелкивая кнутом, выгоняет корову Зорьку на пастбище.

Лёнька увидел, как прыщавый схватился за ухо и гадко выругался:

– Ах ты, старая ведьма!

А потом что было силы ударил бабушку Домну кулаком в грудь. Домна охнула, схватилась за сердце и покачнулась, еле удержавшись на ногах.

– Ба-ба-а! – заорал Лёнька и повис на руке, занесенной для следующего удара...

Мужика чуть не забили насмерть: Циля вцепилась в жидкую шевелюру прыщавого, Домна скрутила руки так, что послышался хруст суставов.

Вокруг собралась толпа, кто-то истошно кричал:

– Милиция! Милиция!

Лёнька вдруг сразу как-то устал и опустился на грязный асфальт. Вокруг него, источая ароматы, валялись пирожки – с капустой, с картошкой... Лёнька подобрал лежащий рядом пирожок, сжал в кулачке и горько заплакал.

– Где болит, мальчик?

– Где милиция?

– Где этот чертов Потапов?

И никто не догадался, что плачет Лёнька не от боли, а от того, что не смог защитить бабушку и спасти ее вкусные пирожки...

– Мамо, может, куриного бульону хотите? – Циля в десятый раз спрашивает об этом свекровь.

Домна второй день лежит среди высоких взбитых подушек и встает только по нужде.

Потапов, не дождавшись приглашения, сам явился в гости. Не снимая грязной обуви, он бесцеремонно ступил на разноцветный самотканый половичок, лежащий у порога. Лейтенант, не скрывая любопытства, обвел глазами комнату:

– Так-так, пристроилась, значит... к хорошим людям – под крылышко?

Потапов нехорошо улыбнулся. Циля выдержала его наглый и цепкий взгляд.

– Никшни, Потапов! – крикнула из-за занавески Домна. – Не смей заbijать Цилю!

Потапов недовольно крикнул и опустился на табурет:

– Давай, Циля, рассказывай, что ты видела в тот день, а вернее – ночью.

Циля молчала.

– Хорошо, я тебе помогу... Ты видела кражу гастронома – ведь так?

Циля недоверчиво кивнула.

– Вот за это тебя как свидетеля и хотели убить, – удовлетворенно, будто и сам об этом давно мечтал, сказал Потапов.

Циля вдруг заметно занервничала:

– Гражданин Потапов... товарищ дорогой, их нашли? Всех нашли?

– Нашли бандитов, в городскую тюрьму вчера отравили.

– Слава тебе, господи, – подала голос Домна.

– Скажите, а Чека жив ли?

– Шо, старая любовь не ржавеет? – подмигнул Потапов и засмеялся.

Женщина как-то неумеючи размахнулась и ударила Потапова по щеке.

Лёнчик зажмурился от страха...

Потапов вдруг сник, достал платок:

– На самой окраине нашли вашего Чеку. Мертвым. Пять ножевых ранений.

– Как же так?.. Нет-нет... Как же так? – залепетала Циля.

Потапов впервые по-доброму взглянул на женщину:

– Может, побоялись, что он видел... Может, Чека и сам на след напал. Не знаю...

- Царствие небесное, – вздохнула Домна. – Жалко как – хороший был мужик.
- Повезло тебе, Циля Иосифовна, что в живых осталась: видно, спугнул кто-то... Так что надолго не прощаюсь – придется давать показания.
- И Потапов ушел, а на столе остался лежать забытый им кипенно-белый носовой платок...

Вот она, окраина города! Где-то здесь нашел свое последнее пристанище Чека, а по паспорту – Иван Петрович Черкасов. Бурьян да крапива, дикая алыча и терн... Лёнчик кладет в рот несколько черных ягод и морщится, кисло – до горечи!

- Мамо, – цепляется Лёнька к Циле, – а когда мы поедем на море?
- Скоро, сыночек, скоро...
- В отпуск уйду – и поедем, – обещает Микола и обнимает жену за плечи.
- А я хочу, чтобы сестренка родилась! – набравшись храбрости, кричит Лёнчик в лицо матери и бежит в сторону дома.

Босые ноги его поднимают с грунтовой дороги легкое облачко пыли... Там, дома, Лёньку ждет бабушка, новая книга со сказками и вкусные бабушкины пирожки.

Со стороны вокзала, навстречу Лёньке, летит южный горячий ветер, донося знакомые с детства слова:

- Граждане... жиры! Поезд... осторожны... счастливого... пути.
- Доброго тебе пути, Лёнька!

